

Ученик Ю.Н.Рериха А.М.Пятигорский о своём Учителе

Речь всемирно известного российского философа А.М. Пятигорского на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения Ю.Н. Рериха

Господин председатель, уважаемые коллеги, дамы и господа!

Прежде всего, я хочу вас предупредить, что моё выступление не просто личное, но и крайне субъективное. Я буду говорить о Юрии Николаевиче так, как я и мои молодые тогда коллеги его видели и слышали (к сожалению, это мало продолжалось), и как мы его полюбили. Поэтому ни о каких юбилейных вещах - о его значении в науке, о его связях с учёными, о его значении в культуре - здесь не будет ни слова, иначе я не успею.

Я сразу хочу начать с того, что важнее всего для меня самого, что было и остаётся самым важным в Юрии Николаевиче. Потому что, понимаете, существует такая стандартная поляризация, когда о ком-то говорят: он был такой-то учёный - объективный аспект, и такой-то человек - субъективный аспект. Вот этого разграничения здесь не может быть. С первого момента, когда мы увидели его в нашей комнате, -мы всё-таки получили комнату, хотя мало на это рассчитывали, и только благодаря тому, что нашим начальником был назначен Юрий Николаевич, - вот с этого момента это различие для нас не существовало. Что существовало? То, что нам тогда было нужнее всего: для нас и для меня лично Юрий Николаевич был, если хотите (и это без всякого пафоса), буддизмом в Институте востоковедения Академии наук. Не представлением о буддизме, не библиографией, не монографией, не диссертацией, не профессорством - он был тем, чего мы до него не видели, уже прочтя довольно много книг и бездну статей по буддизму, - он сам по себе был каким-то буддистским, буддистическим образцом. И вот это было для нас самым главным.

Теперь немного из контекста, простите, без этого трудно. Я помню, как где-то в конце 1956 г. ко мне подошёл заведующий отделом и сказал: «Рерих едет». Я говорю: «Какой Рерих?». Ни мои друзья, ни я ни малейшего представления не имели какой. Я пожал плечами, вспомнив о его батюшке. «А вот, сын самого Рериха, Николая Константиновича. Он, по-видимому, будет заведовать сектором», - сказал мой главный начальник. В комнате присутствовало несколько человек, и мы сразу увидели по лицу этого начальника, что он этого не одобряет. Этого в институте не одобрял никто. Это считалось одной из выходов покойного Никиты Сергеевича Хрущёва. (Хрущёв-то был, с вашего любезного разрешения, ещё и эксцентрик). Взял и привёз Рериха сюда. Пределом этого, конечно, было, когда, нисколько не стесняясь окружающих, в буфете, к кому-то обращаясь, первый заместитель директора нашего института (не буду называть фамилии только потому, что противно) сказал: «Вот вам ещё одна странность: мы только разворачиваем работу в нужном направлении, и вот - Рериха сюда везут». Разумеется, я немедленно передал это моим друзьям, которые пришли, конечно, в полный восторг. То есть, мы с самого начала, и надо сказать, очень эгоистически, решили: Рерих едет к нам, а они - эти самые псы вокруг нас. Понимаете, это тоже ведь было дурно, мы тогда этого не знали. Потому что мы уже жили в презрении ко всем, кто нами руководил. И вот, слава Богу, теперь нормальный человек, нормальный учёный едет.

Я всё-таки должен сделать маленькое отступление, с разрешения председателя. В нашем институте была бездна талантливых людей, прекрасных учёных, одарённых востоковедов, может быть, я немножко перебираю, не бездна, но было, у кого поучиться. Но среди них не было личностей, почти не было. Всю свою личностность они уже давным-

давно к этому времени уступили тем, кто ими, и нами, и мною правил. И мы рассчитывали на Юрия Николаевича: вот, приезжает личность.

И вы знаете, он нас удивил с самого начала. Этого я не могу не рассказать. Говорят, он был человеком из другого мира. Ничего подобного. Я думаю, что в любом мире, и у нас, и на Западе - в равной мере - Юрий Николаевич был человеком особым. И эта особенность его проявилась с первого момента. А как вы знаете, в истории России «с первого момента» фактически означает «с первого скандала», потому что других интересных моментов не было. Итак, первый эпизод. Была создана комиссия по изданию новой серии. Собственно, это было продолжение «Библиотеки Буддики». Комиссия, конечно, состояла из людей, которые не имели никакого представления ни о чём. Им пришлось пригласить и Юрия Николаевича. Надо сказать, что всё, что эти люди делали в отношении Юрия Николаевича, им приходилось делать, они делали это против своей воли. И Юрий Николаевич этого не мог не чувствовать, но никоим образом никогда не показывал, и не потому, что он себя заставлял, а потому что в этом была его особенность. Особенность его исключительной, я бы сказал, буддийской личности. Мы, естественно, всё знали о первом заседании этой комиссии, подготовительном, где руководителем был наш парторг отдела. Набросились мы на Юрия Николаевича и говорим: «Ну вот, этот бандит, разбойник с большой дороги, гэбэшник, человек поздних тридцатых...». Юрий Николаевич мягко-мягко пожал плечами и сказал: «Но вы ведь прекрасно помните буддийские тексты. Этот человек - такой же поток сознания, с такой же кармической отягчённостью, каковыми являетесь вы». Только я это сейчас говорю темпераментно, а он говорил тихо-тихо. Мы говорим опять: «Но нельзя же, ну бандит». - «О, что вы, Иван Сергеевич - я с ним недавно беседовал - по-моему, он человек духовно вполне перспективный. Если, конечно, с ним работать». Понимаете, для нас же тогда это всё было полнейшим абсурдом. Мы думали, ну что с человеком делать, ну ничего же не видит вокруг себя. Только постепенно мы стали понимать, что это мы ничего не видели, что это мы делили всех людей на честных и негодяев, на воров и обкрадываемых. Только позднее я осознал: мы все читали буддийские тексты и ничего не воспринимали. А что мы должны были воспринимать? Только одно, и это потом Юрий Николаевич стал говорить нам совершенно чётко и открыто: «Это же о вас говорится. Вот вам не нравится этот мир, но вы же и есть этот мир. Значит, надо обо всём думать и говорить только в смысле своего собственного сознания. Вы же это и есть». И вы знаете, у нас на глазах он это стал применять на практике.

Как он говорил с высшим начальством! Он говорил с ними, с самыми отпетыми людьми, так, будто это были джентльмены высшего полёта. С этим связан второй эпизод, комичный. Был у нас один аспирант, полный недотёпа, который никогда не знал, что сказать, когда сказать, кому сказать. В довершение всех бед ещё и еврей, с такой еврейской физиономией — просто плакат для антисемита. Он держал экзамены в аспирантуру. А у нас же была своя разведка, вы понимаете, и нам донесли, что начальник отдела кадров, Александр Иванович, бывший лагерный надзиратель, уже заранее решил его завалить. И мы побежали к Юрию Николаевичу. «Юрий Николаевич, надо Борю спасать. Его этот антисемит хочет завалить в аспирантуру». — «Кто? Александр Иванович?». Мы говорим: «Да». — «Ну что вы, он добрейший человек, он мухи не обидит». Взял и пошёл к Александру Ивановичу. Уже спустя много лет Александр Иванович, бывший надзиратель, говорил нам: «Вот вы как ко мне относились? А Юрий Николаевич пришёл, и я вдруг почувствовал себя настоящим человеком, так он со мной говорил». И что вы думаете? Был небольшой скандал на экзаменах, но Боря прошёл. Естественно, мы скоро забыли об этом, жизнь неслась своим потоком. Но знаете, эта манера! Эта манера человека, живущего в сознании и учащего молодых людей жить в сознании, а не жить в этих пошлых, как бы сейчас сказали лингвисты,

оппозициях, которые разрушают сознание, которые губят сознание, которые не дают сознанию развиваться, потому что в итоге ведь всегда получается, что я прав, а тот, кого я не люблю, не прав, что я хороший, а кто-то - дурной, что я благородный человек, а кто-то - сволочь. Это его обращение с людьми - я никогда не скажу здесь вульгарного слова как с равными - как с сознаниями потому что ни одно сознание не может быть равным другому! Каждое сознание есть сознание само в себе. Это был первый урок. Поэтому здесь не годится ни линия личного превосходства над другими людьми, ни столь же бездарная линия выдуманного равенства, которого нет, потому что есть в каждом отдельном случае уникальность сознания, уникальность индивидуального сознания. Оно не может быть равно другому. Оно всегда есть абсолютное и особенное, со своим кармическим грузом, со своими потенциями, со своими взлётами и провалами. Я увидел, как это постепенно входило не только в нас, но и во всех этих людей. Сначала, разумеется, мы считали, что это тоже буддизм, но с какой-то очень сильной примесью джентльменской эксцентричности. Потому что, я должен сказать, Юрий Николаевич был абсолютный джентльмен. Я не могу при этом не вспомнить, как определял джентльмена основатель дендизма Джордж Брамэл. Он говорил: «Настоящий джентльмен - это тот, с которым всем приятно. С ним приятно его генералу, если он офицер, с ним приятно его солдату, с ним приятно его кучеру, с ним приятно его парикмахеру, с ним приятно его королю». Юрий Николаевич как раз распространял вокруг себя атмосферу приятности, приятности в буквальном смысле этого слова, на санскрите приета - почти то же самое слово со слегка другим семантическим оттенком. И вот эта приета, это стало проникать в нас.

Между тем положение становилось всё хуже, начались более или менее прямые нападки на научную линию Юрия Николаевича, и назревал новый скандал в дирекции и в парторганизации. Мы опять атаковали Юрия Николаевича в его кабинете и спрашиваем: «Что делать?». Вы понимаете, что мы были, в общем-то, глупыми поклонниками, которые пытались войти в суть этой его реальной и актуальной буддистичности. И я помню, он сказал: «Что делать? По-моему, всё в порядке. Учить тибетский». - «Как "учить тибетский", когда такое происходит?!» - «А какое имеет отношение ваше решение учить тибетский к тому, что происходит? Ведь этим вы себя немедленно ставите в зависимость от того, что происходит». И действительно, это так и было. А потом он ещё раз улыбнулся, и, взглянув на меня, - я ему всё время жаловался, что мне плохо даётся санскрит - мягко добавил: «И санскрит». А потом уже на выдохе: «И пали». Мы думаем: «Ну, это уже совсем чистая утопия». Тогда покойная ныне Октябрина Фёдоровна Волкова, наша староста, спрашивает: «А как, Юрий Николаевич, Вы с нами будете заниматься пали?». А он был очень занят, он уже преподавал тибетский и старомонгольский. И тут он говорит: «Блестящая идея! Здесь же профессор пали - посол Цейлона в Москве, господин Малаласекера, он вам и будет преподавать пали». Мы, естественно, не поверили - утопия! Он позвонил заместителю министра иностранных дел, и тот сказал, что он не может решить этот вопрос, это вещь беспрецедентная. Почему посол Цейлона (в котором Россия тогда была крайне заинтересована), как вообще с ним можно говорить о подобных вещах? И это надо, как он сказал, провентилировать в ЦК.

Юрий Николаевич вернулся в восторге от слова «провентилировать». Нам это тоже доставило удовольствие. А потом он говорит: «Да нет, это можно как-то сократить». Он нам не сказал, как, но в тот же день позвонил Никите Сергеевичу, который обладал уникальной способностью ни в чём не разбираться. - «А чего там такого, - сказал он (Это нам передал Юрий Николаевич), - а чего такого, пусть преподаёт». Мол, ничего страшного с ним не сделается. И что вы думаете? Через две недели является к нам Малаласекера. Директор, конечно, вынужден был его встретить, но в администрации это вызвало возмущение: «Ну

кому это нужно? - как они нам это объясняли, - да зачем это!?). Так начались наши занятия с Малаласекерой.

Но Юрий Николаевич не успокоился: «А вы знаете, вам как-то надо показываться другим людям». Мы как раз хотели наоборот, без всякого показа, чтобы на нас как можно меньше обращали внимания. Но он говорит: «Нет, вы знаете, как замечательно, завтра юбилей независимости Индии, меня пригласили на приём в Индийское посольство, вы все - со мной. Мне будет приятно, что же это я один пойду, люди скажут, у меня учеников нет». Нас было человек десять. Оказалось, что у нас нет никаких пропусков, какие-то люди из госбезопасности говорили, что это всё не согласовано, но тут кто-то поднимал палец, что означало, что это тот случай, когда... И вот мы стали ходить по этим приёмам, нам было жутко интересно. Я помню, самый замечательный приём был в честь годовщины независимости Цейлона, который устраивал сам посол Малаласекера, а мы уже как бы были его знакомые, он нас лично угощал, мы были польщены бесконечно. Мы вышли из главной комнаты в приёмную покурить, и вдруг вырастают два громилы: «Сюда нельзя». Оказалось, что из банкетной никуда нельзя было выходить, везде стояли огромные мужественные «джентльмены» с руками в карманах. Тут выходит Малаласекера и говорит: «Простите, пожалуйста, я забыл вам сказать...». И Рериху (а с ним они были давнишние друзья): «Я совершенно забыл, что сюда собирался заехать Никита Сергеевич Хрущёв». Вы знаете, плотность телохранителей и охранников уже превзошла всё видимое в сансаре. И я помню, Юрий Николаевич оборачивается ко мне: «Вы когда-нибудь видели Хрущёва?». Я говорю: «Господь с Вами, ну кому он нужен?» - «А вот сейчас увидите. - И добавил, - Вы знаете, милейший человек». Дверь распахивается так, как будто её ударили ногой, и вот является Никита Сергеевич, обнимает Юрия Николаевича, низко кланяется Малаласекере и произносит слова, которые меня тогда удивили: «Вы думаете, что я на банкет пришёл, на ваш национальный праздник? Если бы я на все банкеты в посольства ходил, то меня бы вообще нигде не было. А я пришёл ради вас, потому что я вас уважаю». И махнул рукой, давая всем окружающим понять, что никого он вообще не уважает: ни Цейлон, ни их всех. Его лицо как бы говорило: «Ну чего пялитесь, дураки, я вот к нему пришёл». То есть к Рериху. Мы решили, что нам повезло: посмотреть всё-таки фараона вблизи, да ещё явно не в худшем виде. Но вы знаете, что было самое удивительное? Всё-таки это продолжалось долго, и вдруг по окончании Юрий Николаевич подошёл к нам и говорит: «Был пропущен прошлый урок пали, посол сказал, что сегодня вечером надо позаниматься». - Потому что, если отменять занятие из-за каждого банкета, каждого эпизода государственной деятельности, так ведь никогда пали не выучишь. И вот мы все вместе отправились в двух огромных машинах в институт, где стали заниматься.

Не хочу всё-таки излагать эту картину односторонне. Я думаю, что атмосфера где-то уже в конце 58-го года стала на Юрия Николаевича действовать. И я стал ощущать в нём - нет, ни малейшей раздражительности или нетерпения! - но мы все стали ощущать какую-то его одинокость. Он, попросту говоря, не привык так жить. А как? Очень просто - в сущности, он не привык жить в атмосфере, где что угодно, любой разговор, каждую встречу надо было каким-то особым образом понимать. Это была атмосфера Москвы, Академии наук и нашего института. Всё имело значение. А ведь к этому надо привыкать. Мы-то в этом были рождены. Что кто сказал, как он сказал, каким голосом, как кто улыбнулся и т. д., и т. д. Вот этого Юрий Николаевич постичь не только не мог, но и не желал. Иначе говоря, - опять же с оговоркой, что были люди замечательные, были прекрасные учёные - он попал в атмосферу неявного или явного холопства, зависимости, а это явление, как мы знаем из русской истории, для России не новое. И вот это постепенно стало его тяготить всё больше и больше. Он, видимо, начинал чувствовать свою, если хотите, экзистенциальную

одиночество. Потому что мы же были молодые люди, с которыми не была связана его жизнь. Людей, с которыми была связана жизнь его семьи, его круга в Москве практически уже не было. На самом деле, я думаю, он многое понимал, но он не желал отвечать именно в смысле такого рода понимания.

Тут замечательным был один вечер, когда мы остались и опять же стали жаловаться на то, что не хватает времени, которое мы, как вы понимаете, беспардонно тратили зря на пьянки, на разговоры, на обсуждения - тратили на молодость... И вот тогда он (всё это продолжалось не больше 40 минут) - тут он явно выступал как Учитель, и я думаю, он уже осознавал эту свою функцию в отношении к нам - тогда он сказал: «Вот мы сейчас читаем Дхаммападу на пали, читаем два тибетских текста... Но мы же знаем, что такова сансара, таков феноменальный мир, таково страдание духа». Ведь что значит для нас всех страдание? Довольно абстрактная вещь, пока не начинаю страдать лично я или близкие мне люди. Юрий Николаевич тогда сказал: «Поймите, это неудобно, это неприятно, но вы постарайтесь видеть другую сторону этого, назовём это вашим страданием». А другая сторона этого такова, что если бы вы в дополнение ко всему ещё и не страдали, так вообще бы, говоря на добром старом русском языке, и не почесались бы тогда! Вы представляете, что если бы у среднего думающего человека всё было в порядке, он бы превратился, очень быстро, в абсолютную свинью. Только то, что его всё время что-то гложет, что-то неприятно, даже, казалось бы, в полной удаче, в счастье, заставляет его начинать думать о себе как носителя своего собственного уникального сознания. И вот это осознание себя как сознания и всего окружающего как сознания, без этого осознания, он нам говорил, никакие храмы, никакие молитвы, никакие ритуалы ничего с тобой не сделают.

Тут я хочу перейти к последнему моменту, который я считаю наиболее важным и наиболее интересным. К буддизму, который он выражал. Ведь тогда была эра обновления религиозных поисков, или, как теперь стали выражаться на пошлейшем псевдонаучном языке, поиск религиозной самоидентификации. Кошмар! Безвкусица. Самое страшное, когда буддизм или любая другая религия нужны человеку вместо чего-то. Например, жизнь не удалась - человек уходит в религию. Православие не нравится - человек стал заниматься буддизмом. Атеизм опостылел - человек идёт в религию. На самом-то деле это и есть профанация любой религии! Любая религия, любая религиозная философия, я бы добавил от себя, не может быть ни для чего-то, ни вместо чего-то. Если она что-то компенсирует для вас - личную неудачу, неустройство, несчастье - то это же не по-настоящему. Любая религиозная концепция - в своей собственной абсолютной позитивности. И вот это, согласитесь, далеко ещё не всеми понимается. Юрий Николаевич говорил, что для того, чтобы осознать себя как сознание, стремящееся к Нирване или хотя бы к познанию каких-то пусть самых далёких путей, к этой Нирване ведущих, или могущих привести, вот для этого необходима упорнейшая работа не против окружения, не против правительства, не против дураков, не против холуев - это каждый может - а против самого себя. Как сказал Будда: единственная война - война с самим собой, единственная победа - победа над самим собой. Мы, конечно, были дураки, но это как-то проникало в нас всё больше, и больше, и больше. Прошли годы, и уже без Юрия Николаевича это продолжало проникать всё сильнее и сильнее.

Мы коснулись также в наших разговорах с Юрием Николаевичем аспекта, который всегда являлся одним из центральных в русской жизни и остаётся им до сих пор. Мы стали спрашивать, а что же культура, ведь без культуры мы погрязнем, без культуры мы же просто...

Я хочу сделать одну оговорку: слово русский я употребляю условно. Если вы серьёзно думаете, что в других странах намного лучше, то это опять же тот же русо-центризм, который всегда считает либо, что в России лучше всего, либо, что в России хуже всего. И то, и другое - нормальный идиотизм среднего человека. В России живут те же сознания, которые не хотят просвещаться, которые не хотят искать путей к просветлению, те же самые, что у бушменов, в Калахари, в Сахаре, в Нью-Йорке. Есть, к сожалению, в русской культуре эта тенденция к самоотделению во что бы то ни стало: нет, у нас не так, надо нас понять. Я бы хотел остановиться на этом важном слове «понять». Юрий Николаевич объяснял нам, что надо вести себя таким образом, чтобы не возбуждать вихри в других сознаниях, чтобы не возбуждать враждебности, ненависти. Потому что это не храбрость, а неразумие. А мы, уже тогда очень сильно склонные к диссидентству, считали это высшей доблестью: вот, я ему это сказал, дураку, а он просто покраснел от гнева. Конечно же, это не только молодость, это - интеллектуальная тупость. Почему кого-то надо довести до гнева?

Так вот, Юрий Николаевич нам отвечал: «Хорошо, пусть культура, но что значит культура? Если вы будете знать ещё и ещё, ещё и японский язык, и корейский, то это не для того, чтобы быть культурным человеком. Любое восприятие феноменов культуры даёт эффект на сознании, только если оно даёт воспринимающему большую свободу в своей деятельности. Разумеется, одна культура, одни языки, одна литературная эрудиция никакой свободы - ни реальной, ни политической - никогда не даст, но она даст то сознательное отношение к себе и к окружающим, которое на самом-то деле и есть свобода». Поэтому он только слегка удивлялся, никогда себе не позволяя не только что некорректного, но даже слегка критического отношения к людям, которые знали бесконечно меньше его. А мы-то уже были элита, как всегда все ученики уже чувствуют себя элитой, преторианской гвардией, мы этого долго не понимали. И вот тогда он сказал: «Это надо употреблять прежде всего на самого себя».

И самый последний момент. Дело в том, что мир начала XX века был весь заражён страшной чумой. И не надо называть эту чуму чумой коммунизма или чумой фашизма. Он был заражён чумой политики. Человек с юных лет - будь то в России, Германии, потом это проявилось в Штатах - воспитывался уже как какое-то сверхполитическое животное, при том, и это очень важно, что у него не было политической свободы. А нет ничего страшнее, чем политика без политической свободы. Это то, что душит младенческое сознание ещё в пелёнках. И вот Юрий Николаевич, окружение которого не только в России, но и на Западе было очень сильно политизировано, очень чётко и открыто говорил о том, что политика относится к разряду тех феноменов, которые настолько сложны, что с ними и политик не справится, не говоря уже о тех, для кого политика - вынужденное и навязанное извне занятие. Поймите, говорил он, что чтение буддийских текстов нужно только для одного. Ни в коем случае не для того, чтобы оторваться от современной политической или любой другой действительности (этот эскапизм он абсолютно осуждал). Помните, о чём говорил Будда, по крайней мере, в четырёх палийских сутрах? Индивидуальное сознание на своём пути должно стать островом. То есть, чем-то самодостаточным. Не изолированным, а самодостаточным в своей сознательной активности. Поэтому, как важна культура для независимости в светских делах, так эта работа сознания, она одна, может вам обеспечить хотя бы предварительную островность. Вы не должны презирать политику, просто вы должны понимать, что она не может находиться в фокусе вашего сознания. Для этого необходима какая-то островность вашего сознания, его именно внутренняя, а не внешняя самодостаточность. Всё это нас, тогда совершенно неразумных, как-то воспитывало. И не то, чтобы мы стали намного добрее или умнее или просвещённые, но уже были даны какие-

то начала, которые могли потом в жизни каждого индивидуального сознания развиваться от ситуации к ситуации и давать какой-то не внешний, а чисто внутренний эффект, потому что цель такой работы сознания прежде всего - не опираться на внешнее, не опираться на то, что сознанием не является. Так я вижу сейчас Юрия Николаевича как нашего Учителя и, добавлю, начальника. Причём сказать, что начальник он был либеральный, это ничего не сказать. Какой-то, я бы сказал, зефирный, и при этом все абсолютно его слушались. Его нельзя было не послушаться, потому что любая его рекомендация действовала именно на ваше сознание и действовала изнутри так, что вам казалось, что это уже работа вашего сознания, а не того, кто этому сознанию помогал развиваться.

Спасибо за внимание.